

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Роберт Врублевский

**БОБРУЙСКИЙ
«КОТЕЛ»
1944 ГОДА**

**МОСКВА
2016**

УДК 94(47+57)''1944''

ББК 63.3(2)622.13

В83

Врублевский, Роберт.

В83 Бобруйский «котел» 1944 года / Роберт Врублевский. — Москва : Яуза-каталог, 2016. — 320 с. : ил. — (Война и мы).

23 июня 1944 года началась операция «Багратион», ставшая расплатой за гитлеровский блицкриг. Ровно через три года Красная Армия сполна рассчиталась за катастрофическое начало войны, разгромив Группу армий «Центр».

Одним из ключевых пунктов немецкой обороны в Белоруссии был Бобруйск, прикрывавший главную дорогу на Минск. Гитлеровцы ожидали удара на этом направлении и тщательно готовились к сражению, построив несколько оборонительных линий, а сам город превратив в настоящую крепость. В общей сложности Бобруйская группировка противника насчитывала 10 дивизий, более 250 танков, штурмовых орудий и истребителей танков.

Из этих десяти немецких дивизий только две избежали окружения и успели отойти на запад, семь дивизий были истреблены под Бобруйском, а 20-я танковая хотя и прорвалась из «котла», но потеряла практически всю бронетехнику.

Данная книга основана на документах Ликвидационного штаба Вермахта, созданного для сбора информации о полностью уничтоженных соединениях, предназначенных к расформированию. Эти архивные материалы (боевые сводки и рапорты, составленные уцелевшими офицерами, а также показания солдат, которым повезло вырваться из окружения) впервые вводятся в научный оборот и проливают свет на «изнанку» Бобруйского «котла» и крах Группы армий «Центр», который стал самой страшной катастрофой Вермахта, предопределившей исход войны.

УДК 94(47+57)''1944''

ББК 63.3(2)622.13

ISBN 978-5-906716-55-2

© Врублевский Р., 2016

© ООО «Яуза-каталог», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бобруйская операция стала одним из ключевых событий операции «Багратион» летом 1944 г. Без одновременного обвала строившейся длительное время немецкой обороны под Бобруйском и Витебском бросок к Минску с окружением немецкой 4-й армии и общим крушением всего фронта группы армий «Центр» был бы невозможен. Более того, именно под Бобруйском задача была сложнее, чем на других направлениях ввиду наличия в составе оборонявшейся здесь немецкой 9-й армии самостоятельного механизированного соединения — 20-й танковой дивизии. На других направлениях такого подвижного резерва у немецких войск не было, группа армий «Центр» опиралась на оборону прочно зарывшейся в землю пехоты, поддержанной штурмовыми орудиями, а на оршанском направлении — батальоном тяжелых «Тигров». Казалось бы, сражение за Бобруйск должно быть давно хорошо исследовано. Однако это не так.

Написание истории войны начиналось еще когда гремели пушки. В СССР к этому привлекалась сформированная еще до войны группа офицеров Генштаба. В Германии в войсках и в центральных органах руководства вермахта писались исследовательские работы о проведенных операциях. Однако в первые послевоенные десятилетия эти исследования не стали мейнстримом. История войны писалась ее недавними участниками, для которых пережитое на фронте было очень личным, переживалось глубоко и эмоционально. Прошедшие после войны годы тогда еще не вылечили душевные и телесные раны. История войны тогда была попыткой поделиться этими переживаниями и вспомнить погибших товарищей, перечислить поименно тех, с кем выходили из «котлов» и шли навстречу свинцовым ливням. Одновременно ненависть и злость к недавним врагам еще была сильна и даже клокотала в сердцах тех, кто еще совсем недавно смотрел на солдат и офицеров противника в стереотрубу, а то и прицел. Поэтому обращение к данным противоположной стороны было скорее исключением из правила. К словам недавних противников относились скептически, порой небезосновательно считая их продолжением фронтовой пропаганды и листовок, рассыпавшихся над пропахшими пороховой гарью окопами из агитационных снарядов.

Чем дальше уходила в прошлое война, тем больше в ней пытались именно разобраться, понять причины успехов и неудач. Это уже требовало учета мнения противника и скрупулезной оценки числа задействованных сторонами войск, данных

разведки и принятых решений. Однако эмоциональное отношение к происходившему все же мешало полноценной работе. Еще в 1967 г. в своей беседе с Константином Симоновым А. М. Василевский сетовал: «Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло двадцать лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о том, как в действительности происходило дело. Но с самой войны и по сегодняшний день, как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал». В приложении к истории боев за Бобруйск летом 1944 г. это ярко проявляется в существующей многие десятилетия легенде о выгоняемом из кабинета Сталина К. К. Рокоссовском, настаивающем на двух ударах вместо продавливаемого Ставкой одного, на рогачевском направлении. К. К. Рокоссовскому пеняли за это даже на страницах «Военно-исторического журнала», пусть и в завуалированной форме. Более резко высказывался по этому поводу Г. К. Жуков. Даже лежащие на поверхности документы разбивают версию об инициативе командования 1-го Белорусского фронта в отношении двух ударов в пух и прах. С самого начала Бобруйская операция представляла собой классическую операцию на окружение ударом по сходящимся направле-

ниям. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского двумя ударными группировками должны были наступать на Бобруйск на паричском (28-я и 65-я армии) и рогачевском (3-я и 48-я армии) направлениях.

Ошибки от укоренившейся привычки не заглядывать в документы с течением времени только множились. Так, командующий 65-й армией П. И. Батов писал в мемуарах: «По плану фронтовой операции сходящиеся удары армий нашего фронта должны были сомкнуться у Осиповичей. Жизнь, опыт, а может быть, и удача, внесли свои коррективы. Мы сошлись в Бобруйске». Однако ни в утвержденном Г. К. Жуковым плане операции фронта, ни в директиве Военного совета 1-го Белорусского фронта в адрес командующего 65-й армии город Осиповичи как точка схождения «клещей» двух ударных группировок не фигурирует. Армии П. И. Батова приказывалось выйти на 9-й день наступления к Богушевке и Глуше — населенным пунктам на шоссе Бобруйск — Слуцк. На Осиповичи лишь предполагалось развить достигнутый успех. Кстати говоря, в закрытых советских работах по «Багратиону» также не утверждалось, что кольцо собирались смыкать ударом на Осиповичи. Т.е., по сути, даже базовые вещи о первоначальном плане Бобруйской операции и его эволюции в ходе боевых действий оказывались утрачены. Терялась интрига, ведь поворот на Бобруйск армии П. И. Батова был вне первоначального замысла. Собственно именно отклонение от первоначального замысла создало пред-

посылки для прорыва части окруженных немецких подразделений из Бобруйска.

Привычка не заглядывать в документы даже одной стороны, к сожалению, сохранялась длительное время. У этого были субъективные и объективные причины. В случае с СССР многие оперативные документы были закрыты для исследователей. Точнее, к ним был допущен достаточно узкий круг лиц, в какой-то период это не играло существенной роли, но с началом обвальной деградации военно-исторической науки в брежневский период проблема становилась все острее. Немецкие документы стали в массе своей трофеями союзников, и доступ к ним был тоже затруднен. Многие немецкие авторы сетуют на то, что им приходилось полагаться на дневниковые записи и на свою память в отношении тех или иных фактов.

Ситуация качественно изменилась сравнительно недавно, в конце 1980-х и в начале 1990-х годов. Тем не менее с момента этого качественного перелома прошло уже около четверти века. Поэтому сегодня, когда от событий войны нас отделяет уже более семи десятилетий, писать ее историю по старинке, перефразируя известное высказывание, это даже не ошибка, это преступление. Хорошим тоном и даже строго обязательным для исследования войны является привлечение документальных данных обеих сторон.

Здесь самое время сказать, что трудно найти такую страну, в которой было бы развито увлечение военной историей в таком же масштабе, как у нас. Польша здесь является примером даже

большей увлеченности историей боевых действий войн разного времени, чем Россия. Именно в Польше выходило и выходит множество журналов и книг о войнах разных периодов. Это общественный феномен, о причинах которого, возможно, когда-нибудь расскажут социологи. Для нас важен сам факт этой увлеченности.

Людям старшего поколения хорошо знакомы польские брошюры серии TBU (Tytu Broni i Uzbrojenia) в позднесоветское время являвшиеся источником сокровенного знания о различных образцах вооружения и техники, в первую очередь иностранного производства. Именно со страниц TBUшек мы когда-то узнавали об устройстве и применении пистолетов-пулеметов СТЭН, «Томпсон», эволюции истребителей «Спитфайр», «Аэрокобра», устройстве «Лайтнинга» Сент-Экзюпери и поступавшего к нам по ленд-лизу легкого танка «Стюарт». Уже в 90-е у нас оставались весьма популярными иллюстрированные издания по военной технике от издательства «Militaria». Хороший подбор фотографий, чертежи, карты делали их привлекательными для читателя. Весьма популярные на рубеже 1990-х и 2000-х издания «Фронтальная иллюстрация» и «Военная летопись» по форме стали отечественным аналогом хорошо себя зарекомендовавшей польской литературы по технике и сражениям. Я бы даже назвал это «восточноевропейским» форматом исторической литературы, отличающимся от сугубо западного Osprey-я. Неудивительно, что у нас издавали часть книг Osprey-я на русском в формате, близком к Militaria и «Фронтальной иллюстрации».

Позитивным последствием увлечения изучением истории войны стало формирование в Польше группы историков, работающих по теме боевых действий на фронтах Второй мировой войны, причем на современном уровне. Одной из самых значимых фигур на этом поприще является Роберт Врублевский. Он много лет занимается изучением боевых действий на советско-германском фронте, преимущественно периода 1944—1945 гг. Практика исторического исследования привела его к необходимости анализа документов обеих сторон, как немецких, так и советских, т.е. работе на нормальном современном уровне.

Своеобразие документальной базы операции «Багратион» заключается в том, что с немецкой стороны сохранились уникальные, нехарактерные для других операций доклады офицеров разгромленных в Белоруссии соединений о действиях частей и подразделений 9-й армии в конце июня и начале июля 1944 г. В них есть зачастую терявшиеся в более традиционных формах ведения документации (журналы боевых действий, донесения, оперсводки) тактические эпизоды и мотивация принятия решений. Эта черта документальной базы привела Р. Врублевского к построению книги в форме ряда очерков о судьбе соединений, своего рода мозаики, из которой сложился катастрофа вермахта под ударами операции «Багратион». При этом польским исследователем привлекались документальные данные об участвовавших в описанных тактических эпизодах советских частях и соединениях, что позволяло отойти от достаточно традиционной в немецких источниках

картине противника как невнятной массы «монголов» с неисчислимыми танками и «студебекерами». Это дало весьма любопытную картину происходившего под Бобруйском как совокупности схваток на тактическом уровне, из которых, собственно, и сложился успех, определивший весь ход летней кампании 1944 г.

*Алексей Исаев,
кандидат исторических наук*

Разгром в 1944 году в Белоруссии группы армий «Центр» был одной из крупнейших побед Красной Армии во Второй мировой войне. Составным элементом этой победы была Бобруйская операция.

В июне 1944 года Бобруйск защищали части 9-й полевой армии. Ввиду большого значения этого района, прикрывавшего главные дороги на Минск и Барановичи, немецкое командование тщательно подготовило оборону, состоящую из множества линий. Первым поясом обороны была линия «Лёвен», тянущаяся вдоль западных берегов рек Друть, Днепр, Птич. В состав ее входили две линии обороны, первая из которых называлась «*главной линией сопротивления*», а вторая — «*линией прикрытия артиллерии*». Каждая из линий состояла из двух линий окопов. Непосредственно за «*линией прикрытия артиллерии*» находились позиции дивизионной артиллерии. Окопы каждой оборонительной линии были вырыты в полный

профиль, с соединительными траншеями, ячейками для отдельных стрелков, пулеметными точками, постами артиллерийских наблюдателей на 2—3 человека и укрытиями на 4—6 солдат, а также другими сооружениями и точками, характерными для немецкой системы обороны. Перед первой линией окопов находились заграждения из колючей проволоки в один или два ряда.

В ожидании удара Красной Армии на Бобруйск немцы построили еще несколько оборонительных линий. С востока подходы к городу защищали линии «Нессель», «Астер» и «Брюккенкопф», с юга — «Паула», «Барбара», «Бибер» и находящаяся в постройке «Мунна». Эти линии были хуже развиты, чем линия «Лёвен», и состояли из одной-двух линий траншей. Сам город Бобруйск был превращен в крепость с совершенной системой обороны — на восточном берегу Березины были созданы три кольца обороны, а на западном — пять.

Оборону на Бобруйском направлении занимали два корпуса 9-й армии, в состав которых входили 6-я, 35-я, 36-я, 45-я, 129-я, 134-я, 296-я и 383-я пехотные дивизии, а в резерве находилась 707-я пехотная и 20-я танковая дивизии. Эти соединения держали фронт протяженностью 192 километра и в среднем имели 48 активных штыков на километр. Непосредственную поддержку осуществляли семьдесят три штурмовых орудия и пятьдесят восемь истребителей танков. Кроме того, в резерве находилось девяносто три танка и двадцать восемь истребителей танков.

Весной 1944 года большинство этих дивизий восстанавливались после потерь, полученных во

время осенне-зимней кампании 1943 года, однако к лету 1944 года процесс восстановления не был закончен и многие соединения все еще ждали пополнения личного состава и поставок техники. Те же, которые уже получили пополнение, все еще не завершили обучение личного состава. В результате оказалось, что эти силы были совсем не готовы отразить удар Красной Армии.

Из вышеуказанных дивизий только две (35-я и 129-я пехотные дивизии) уцелели и сумели отойти на запад. Непосредственно из Бобруйского котла вырвалась только 20-я танковая дивизия, которая хоть и потеряла практически всю технику и $\frac{1}{3}$ личного состава, сумела сохранить организационную структуру и через несколько месяцев вновь стала полнокровным боевым соединением. Из остальных оказавшихся в котле и уничтоженных дивизий немецкое командование решило восстановить только три, 6-ю, 36-ю и 45-ю пехотные дивизии, с самыми старыми традициями. Однако это восстановление состояло из соединения остатков разбитых дивизий с вновь формируемыми и присвоении старых названий.

Настоящая книга рассказывает про уничтожение под Бобруйском 45-й, 383-й, 707-й пехотных и 20-й танковой дивизии и написана на основе сохранившихся немецких архивных документов, отложившихся в фонде под названием «Документы Ликвидационного штаба».

Ликвидационный штаб был создан в начале 1943 года при Общевойсковом управлении Главного командования сухопутных войск и должен был собирать информацию о полностью уничто-